

Редколлегия журнала «Знание. Понимание. Умение» продолжит дискуссию о религии, развернутую в настоящем номере. В рубрике «Актуальный вопрос» известный российский культуролог, профессор П. С. Гуревич предлагает обсудить следующие вопросы: (1) Актуален ли экуменизм? (2) Верно ли, что мировые религии стали тормозом для единения человечества? (3) Каковы исторические судьбы религии? (4) Как сложится будущее религии? Мы публикуем его ответы на первые два вопроса и продолжим публикацию в следующем номере, приглашая читателей включиться в обсуждение важных для понимания современной духовной жизни вопросов.

П. С. ГУРЕВИЧ

К дискуссии о религии

1. АКТУАЛЕН ЛИ ЭКУМЕНИЗМ?

Есть на свете люди, чей духовный опыт подсказывает: существуют некие запредельные, трансцендентные (трансцендентный — религиозный и философский термин, обозначающий то, что находится за пределами человеческих чувств и разума) силы. Такие люди верят в Бога, который принял страдание за человечество, потому что любит нас. Порой в душе человека рождается ощущение непосредственной близости к Божеству, возможности прямого общения с Ним. Верующий молится в надежде, что Бог слышит его исповедь. У такого человека накаплива-

ется опыт, который помогает ему жить, преодолевать жизненные трудности. Эти люди убеждены в том,

что тайна человеческой жизни сопряжена с особым, божественным предназначением.

Но у многих такого религиозного опыта нет. Они полагают, что мир возник сам по себе, без вмешательства надличностных сил. Эти люди ищут духовные опоры, не связанные с Богом, прежде всего в самом человеке, в раскрепощении сознания, в грандиозном творчестве людского рода. Говорить с ними на религиозные темы почти бессмысленно: душа, ничего, кроме скепсиса, не рождает. Получается странный разговор: ты

ему про Фому (Бог есть!), он тебе про Ерему (Бога нет!).

В нашей стране, как известно, ввели теологию в светских вузах. Она призвана заполнить духовный вакуум, который образовался в последние десятилетия. Но остались ли в нашей стране атеисты? Поначалу мнится, будто это некогда многочисленное племя безвозвратно растворилось. Там, где гнезилось воинствующее безбожие, теперь трактуют Священное Писание. Кафедры устранения суеверий и мифов без мучительных усилий превратились в центры теологической мысли. Сокрушители святынь обернулись ревнителями богоугодной проповеди. Гимн раскрепощенному человеку сменился благолепными причитаниями.

Религиозная мода захлестнула все. Глаз равнодушно скользит мимо богомольной максимы, заменяющей призыв КПСС. Она начертана на транспаранте, который венчает широкую магистраль. Включив телевизор, мы бы, вероятно, изумились, если бы не услышали православных бдений. Политический деятель, предлагая собственное жизнеописание, обаятельно упомянет о святоотеческих откровениях. Где же вы, непобежденные еретики?

Атеизм, само собой, не выветрился. Тот, кто не знал тайны причастия, не испытывал потребности исповеди, не погружался в чтение религиозных текстов, не отдавался целиком глубинному богообщению, не способен стремительно войти в лоно Церкви. Отдадим дань здравому смыслу: несмотря на модный перекрас, на взор, притворно обращенный долу, на мировоззренческие перфомансы, многие из нас преимущественно атеисты. Даже в глазах иного священника можно прочесть порой слепок давно рухнувшего храма.

В профессорском колледже, где недавно читал лекции, меня все время пытали: куда нам податься в атмосфере повальных религиозных увлечений? Стыдно признаться в своем безбожии, когда все вокруг взяли в руки свечи. Что делать тем, кто не способен поступаться принципами? Проявим необходимое уважение к убеждениям. Пускай свободо-

мыслие вплетется в венок современных идейных исканий. Пусть, коли это неизбежно, станет оно своеобразным ответвлением мысли, светским гуманистическим воззрением.

Но для этого атеизм должен цивилизоваться. Чтобы не быть сатанинским наваждением, безбожию надлежит отказаться от определения «воинствующего». Пока атеизм по-ленински наступателен, никакой полифонии не получается. Не заслуживает уважения тот, кто отвергает право атеиста на свободу мысли. Однако вряд ли привлекателен враждебный атеизм с его агрессивным маломыслием, незаинтересованностью в метафизике, отсутствием минимального такта и сдержанности. Разве свободомыслие непременно предполагает глумление над идеей Бога, оскорбление веры, навязывание взглядов, которые давно отвергнуты наукой?

Неужели сегодня возможно такое? А то нет!.. Вот некий публицист оценивает веру как дебильное свойство насмерть перепуганных людей. Другой в столичном журнале, избличая религиозное легковерие, толкует о разрушении храма как о благом почине. Да вот теоретический труд. Есть о чем поразмышлять исследователям. Однако труд в силу парадоксальной логики называется «Естествознание в борьбе с религиозным мировоззрением».

Между тем любое мировоззренческое поветрие в силу внутренней логики стремится к универсальности, к вытеснению полярных воззрений. Может ли в этом случае атеизм отказаться от собственного бесстрашия? Настоящее идейное размежевание непременно учитывает диалогическое противостояние иной системы взглядов. С этой точки зрения атеизм мог бы опираться на естественно-научную картину мира, на светскую гуманистическую традицию.

Фома Аквинский, доказывая существование Бога, начинает размышление с полярного допущения: предположим, Бога нет. Для средневекового сознания такой поворот мысли кажется кощунственным. Но теолог мужественно выстраивает собственные доказательства. Любой христианин восприни-

мает религию не слепо, она для него — способ кристаллизации собственного нравственного опыта.

Когда Фрейд пытается понять феномен религии как результат психических метаморфоз, это воспринимается как плодотворное напряжение научной мысли. Психоаналитики намеревались проникнуть в тайны религии, предлагая ей сугубо психоаналитическое объяснение, и поэтому, естественно, задумывались над проблемой происхождения религии. Однако они не ограничивались этой темой, а вполне логично ставили и другие вопросы. Например, какова вообще связь между психотерапией и теологией? Как соотносятся между собой религия и миф? Могут ли религиозные тексты обогатить психоанализ? Родилась и такая дерзкая мысль: не способен ли психоанализ изменить судьбы религии? Когда Фромм стремился создать безрелигиозный гуманизм, это было подсказано нравственными исканиями ученого, а вовсе не желанием сокрушить религию. Здесь отсутствовало пренебрежение к вере, а тем более скороспелое святотатство. Другой мыслитель Бертран Рассел писал, что действительная причина того, что люди принимают религию, не имеет ничего общего с доводами рассудка.

В европейской культуре действительно шел длительный процесс «расколдовывания» мира. Он продолжался в течение нескольких столетий. Люди все больше доверяли науке, которая пыталась найти иные, нерелигиозные аргументы для объяснения бытия. Американский исследователь Даниэль Белл в своих социологических работах отмечает, что в XIX веке никто из крупных философов, кроме, возможно, Ф. Шеллинга, не верил в то, что религия сохранится в будущем. Д. Белл, разумеется, неточен. Его суждение не относится, например, к русским религиозным мыслителям, которые, напротив, исходили из представлений о «возвращении» религиозного сознания. Однако это не меняет общей тенденции — нарастающей

силы секуляризации. Что же на самом деле характерно сегодня для религиозной жизни России? Можно ли говорить о религиозном возрождении в нашей стране? Происходит ли объединение Церквей, или, напротив, религиозная практика приводит к раздробленности? Наконец, есть ли перспективы для развития экуменического движения в России? Все эти вопросы невозможно прояснить без участия внецерковных, гуманистически ориентированных мыслителей.

Можно ли в нашей стране восстановить прерванную религиозную традицию? В результате тоталитарной деспотии многие люди вышиблены из своей национальной, религиозной и культурной ниши. Империя не просто отлучала индивида от Церкви. Она изо всех сил пыталась разрушить вековую культуру, ее традиции. Тоталитарный режим опробовал множество способов искоренения веры. Напомним хотя бы о массовом уничтожении древнейших тибетских рукописей в Забайкалье, о принудительной европеизации восточных культур, о русификации.

Вот почему основной массив нашего населения сегодня — это маргиналы. Люди, утратившие корни собственной культуры. Многие не знают родного языка. Забыты древние обряды, которые в цивилизованном мире постоянно возобновляются в каждом поколении. Утрачена вера, которая невозможна без теологических усилий, без напряжения доктринальной мысли. Процесс поиска Бога не сопряжен для многих с глубинным духовным опытом.

И здесь, как ни парадоксально, важно восстановить диалог с атеизмом. Без полемики не может родиться подлинное увлечение. Хотелось бы понять, действительно ли в современном мире происходит «реванш богов» или, напротив, завершает свое движение процесс секуляризации? Такой диалог был бы продуктивен и с точки зрения социального согласия, которое в последнее время нередко подменяется анафемой.

(Продолжение следует)